

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

V

**межвузовская
научная
конференция
студентов-филологов**

ТЕЗИСЫ

*8–12 апреля 2002 г.
Санкт-Петербург*

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2002

Ответственный редактор

А. В. Андронов

БАЛТИСТИКА

Руководитель секции — ст. преп. Алексей Викторович Андронов

Артём Викторович Андреев (СПбГУ)

О некоторых особенностях языка М.Даушки (морфология и графика)

Несмотря на то, что «Катехизис» 1595 г. М.Даушки является первым известным нам печатным памятником литовского языка в ВКЛ, последовательного грамматического описания этого текста до сих пор нет. Существующие исследования либо посвящены отдельным аспектам (напр., акцентологии), либо описывают грамматику «Катехизиса» в контексте исторической грамматики и диалектологии.

Нами была предпринята попытка формального моделирования грамматики «Катехизиса», опирающегося исключительно на текст. Небольшой объем корпуса (около 700 предложений) и специфический характер текста не позволяют произвести достаточно содержательный анализ синтаксиса, тем самым ограничивая моделирование морфологией.

Построенная модель позволяет сделать следующие выводы о морфологической структуре «Катехизиса»:

1. Имя

- 1.1. Число: единственное/множественное, двойственного нет
- 1.2. Падеж: 10 падежей (включая 4 местных). Аллатив часто используется вместо датива. Инструменталис вместо номинатива в определенных позициях. Аккузатив существительного может в некоторых случаях согласовываться с генетивом прилагательного

2. Глагол

- 2.1. Наличие «вопросительного наклонения» на *-gi*
- 2.2. Повелительное наклонение имеет усиленную форму с *-g*
- 2.3. Специфический перфект: *yra* + претерит глагола
- 2.4. От глагола *būti* употребляются атематические формы в 1 и 2 лицах, но по преимуществу тематическая форма 3 л.
- 2.5. Отглагольные имена могут рассматриваться как члены парадигмы

3. Морфологические средства:

- 3.1. Использование точки над последней буквой для маркирования инфинитива, аллатива и адессива.
- 3.2. Графические варианты могут использоваться для различения морфологических омонимов (напр. *ir* и *ur*)

Par zemākās mitoloģijas būtņu ģenēzes jautājumiem latviešu folklorā

Latviešu folkloristikā zemākās mitoloģijas garu klasificēšanā uzmanība galvenokārt pievērsta to funkcijai un ietekmes sfērai, ģenēzi par pamatprincipu neizvēloties. Šādai izvēlei ir visai noteikts pamatojums: ja garu funkcijas un ietekmes sfēras nereti dublējas un savstarpēji pārklājas, tad daudz grūtāk izveidot noteiktu, vairāk vai mazāk viennozīmīgu klasifikāciju, par noteicošo kritēriju izvēloties garu ģenēzi.

Tomēr nav grūti pamanīt, ka latviešu priekšstati par zemākās mitoloģijas būtņu izcelsmi nosacīti var tikt iedalīti vairākās grupās.

1. Dabīgā nāvē mirušo pēcnāves realizācija.

Šai grupai pieskaitāmi ražības un auglības veicinātāji gari, kuru pārziņā ir saimniecība. Šiem gariem ir vairāki lokāli nosaukumi, kā, piem., Cēlis, Bēlis, Vecainis, kuri vēlākajos laikos, domājams, apvienojušies vienā — Mājas kungs, kas daudz maz izplatīts visā Latvijas teritorijā. Folkloras tekstos norādīts uz Mājas kunga saistību ar senču kultu, t.i., pirmsenci, kurš rūpējas par mājas svētību un kārtības saglabāšanu tajā.

Vēl šai grupai pieskaitāmi cilvēkiem labvēlīgie mirušo gari, viņu bijušie ģimenes locekļi — veļi, ilģi, pauri, leļi, vecīši u.c., kuri apciemo dzīvos lielākoties noteiktā gada laikā, sauktā par dievainēm, zemlikām.

2. Priekšlaicīgā, nedabīgā nāvē mirušo demonoloģizācija.

Šī grupa no pārējām atšķiras gan zemākās mitoloģijas būtņu kvantitātes, gan to darbības sfēras dažādības ziņā. Tai pieskaitāmas gan tautā plaši pazīstamas (piem., lietuvēns, vadātājs, svētās meitas u.c.), gan mazāk pazīstamas vai lokālas (piem., būzelis, mūrģuļa, baltā mātīte u.c.) mitoloģiskās būtnes.

Sākot jau no pirmajiem apzinātajiem latviešu tautas tradīciju fiksējumiem, atrodamas tiešas norādes uz šo garu ģenētisko saistību ar t.s. „nelaimīgajām” dvēselēm jeb priekšlaicīgā, vardarbīgā nāvē mirušo cilvēku gariem. Nereti folkloras tekstos norādīts uz šo garu funkcionālo nepatstāvību, raksturojot to kā velna vai raganas izpausmes vai darbības formu.

3. Dažādu slimību, sērgu personificēšana.

Tautas priekšstatos ir personificētas tādas slimības kā mēris un drudzis, kā arī citas mazāk konkrētas slimības. Slimības tiek iztēlotas cilvēku, dzīvnieku vai putnu izskatā, nereti to saistot ar velna darbību. Tomēr lielākoties slimību izcelšanās tiek saistīta ar mirušo ļaundabīgu darbību.

Kristīne Birzniece (Latvijas Universitāte)

Skaitļa formu un skaita izpratne atkarā no konteksta

Pētot lietvārdus daudzskaitliniekus, kas nosauc skaitāmus priekšmetus (piemēram, *bikses*, *šķēres*, *ragavas*), lietojumu teikumā vai tekstā vispār dažkārt rodas problēmas, nosakot šādu lietvārdu skaitļa formu. To nosakot, uzmanība tiek pievērsta ne tikai gramatiskajai formai, bet arī leksiskajai nozīmei, kas ietverta šajā formā un kas realizējas tikai kontekstā. Tādējādi iespējams secināt, ka:

1. Attiecībā uz šādiem daudzskaitliniekiem var runāt par to tekstuāli semantisko raksturu, t.i., lietvārda daudzskaitlinieka nosauktā priekšmetu skaita konkretizāciju, kas uztverama tikai kontekstā. Te iespējams izšķirt: 1) daudzskaitliniekus pēc formas (semantiski vienskaitlis); 2) daudzskaitliniekus pēc nozīmes (semantiski daudzskaitlis); 3) semantiski neskaidras formas.

2. Semantikas ziņā lietvārdu un numerāli var uzskatīt par semantiski nedalāmu vienību, kas raksturo skaitļa kategoriju, piemēram, numerālis kā skaitļa formas un arī skaita precīzs izteicējs.

Анна Дмитриевна Даугавет (СПбГУ)

Второстепенное ударение в латышском языке

Второстепенное ударение в латышском языке представляет собой малоизученное явление. Специальные исследования на эту тему отсутствуют. Наиболее полное описание второстепенного ударения приведено в грамматике Я.Эндзелина [Lgr: 32–33]. Некоторая информация также содержится в работах по диалектологии, в которых отдельные случаи реализации второстепенного ударения освещаются в связи с другими явлениями: например, в связи с продлением гласного в соответствующей позиции. Наибольший интерес представляет статья К.Линиņша о продлении гласных в одном из куронских говоров среднего диалекта [Liniņš, 1922]. Как Я.Эндзелин, так и К.Линиņш ограничиваются перечислением позиций, где в слове наряду с главным ударением появляется второстепенное, ничего не говоря о факторах, определяющих работу данного механизма. Анализ приведенного обоими авторами материала позволяет сформулировать некоторые закономерности.

Несмотря на различия между второстепенным ударением литературного языка и описанного К.Линиņшем говора, ряд принципов является общим. В обоих случаях наличие второстепенного ударения (ударений) определяется количеством слогов в слове и соотношением между долгими и краткими слогами. В говоре действует дополнительное правило: если граница между слогом, в котором ожидается второстепенное ударение, и предшествующим ему слогом проходит (в соответствии с традиционным описанием) через глухой согласный, продлённый в позиции между двумя краткими гласными, второстепенное ударение не реализуется. Как для литературного языка, так и для говора характерно противопоставление двух- и трёхсложных слов словам, содержащим четыре слога и больше. В последних второстепенное ударение (ударения) появляется при любых условиях; варьируется лишь его место и число ударений. В некоторых типах двух- и трёхсложных слов второстепенное ударение в принципе отсутствует; с другой стороны на его появление здесь может влиять морфемный состав слова. Участие морфологического фактора требует особого рассмотрения, поскольку входит в противоречие с определением второстепенного ударения как фонетически обусловленного, не имеющего фонологического статуса. Возможно, что за второстепенным ударением латышского языка в действительности стоят два разных явления.

Литература

Lgr — J.Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Rīga, 1951. — 32–33.lpp.

Liniņš, 1922 — K.Liniņš. Par zilbju pagarināšanu un saīsināšanu. // FBR, II, 1922. — 56.–59.lpp.

О категории вида в латышском языке

Есть ли в латышском языке грамматическая категория вида? На этот счёт не существует единого мнения. О характере категории вида можно судить по некоторым косвенным признакам. Представляется плодотворным, в частности, сравнение с русским и польским языками, имеющими эту категорию. В докладе обратим внимание на два наблюдения.

1. Анализ латышско-русских словарей показывает, что большинство латышских глаголов переводится как «двухвидовые» (*ņemt* ‘брать-взять’), часть — как глаголы несовершенного вида (*ražot* ‘производить’), часть — как глаголы совершенного вида (*bilst* ‘сказать, молвить’). Такое различие в переводах может свидетельствовать о неиндифферентности латышских глаголов к виду. В этом аспекте интересно также сопоставление переводов первичных глаголов и производных от них приставочных (часто бесприставочные глаголы переводятся как глаголы несовершенного вида, тогда как при соответствующих приставочных в качестве перевода даётся видовая пара: *rādīt* ‘показывать’ : *izrādīt* ‘показать-показывать’).

2. Интересно проследить тенденции употребления латышских глаголов «совершенного» и «несовершенного» вида в пассивных конструкциях в связи с использованием вспомогательного глагола *tikt* или *būt* (то есть с использованием акционального или статального пассива). Модель пассивной конструкции в латышском аналогична, например, польской (немецкой и др.). В польском языке имеются ограничения на сочетание глаголов несовершенного вида с вспомогательным глаголом *zostać*. Подобные ограничения, связанные с видом глагола, существуют в образовании разных типов пассива в русском языке. В докладе остановимся на некоторых закономерностях, которые могут быть обнаружены в этом отношении в латышском языке.

Нельзя не согласиться, что выражение вида в латышском языке гораздо менее упорядочено, чем в славянских языках, поэтому все проявления этой категории требуют специального изучения.

Наталья Михайловна Заика (СПбГУ)

Местные падежи в катехизисе М.Даукши

Работа проводилась на материале Катехизиса Микалоюса Даукши 1595 года. Целью работы было изучение специфики функционирования четырёх местных падежей старолитовского языка (инессива, иллатива, адессива, аллатива), из которых полноправным членом парадигмы в современном литовском литературном языке остался лишь инессив.

В ходе исследования была проведена сплошная выборка материала (местные падежи существительных, местоименных существительных, субстантивированных и местоименных прилагательных), что составило 366 словоформ из 190 страниц текста. Большую часть словоформ составляет инессив (50,8%), затем идут аллатив (32,0%), адессив (10,4%) и иллатив (6,8%).

Иллатив, употребляющийся в Катехизисе реже всего из локативов, тем не менее, остался в литературном языке (особенно в произведениях некоторых писателей) и

некоторых диалектах, где его вытесняет конструкция «*i* + винительный падеж». Данная конструкция наблюдается уже в изучаемом памятнике. В конструкции с глаголом *eiti* и его производными практически одинаково употребляются обе конструкции (6 иллативных, 7 предложно-аккузативных), напр. *eis... karalisten* vs. *eis ing ugnį*, с производными *vesti* и *žengti* были встречены обе конструкции. У глагола *impulti* 7 раз встретилось употребление с предлогом и только 1 раз — без. Среди 25 иллативов, встреченных в тексте, имеется 14 лексем, наиболее часта форма *dangun* (8 раз). Несмотря на небольшое количество иллативов, среди них имеется 6 форм множественного числа, в единственном числе имеются формы пяти основ, что говорит в пользу продуктивности падежа.

Адессив, являющийся вымершим падежом, несмотря на то, что в Катехизисе он распространён больше, представляет в тексте 14 лексем (38 форм), из которых половину составляют местоимения. Предложных конструкций, впоследствии вытеснивших этот падеж, в тексте найдено мало. Предлог *pas* не встречается, с предлогом *prieg* изредка можно наблюдать случаи конкуренции с адессивом (ср. ряд *skómiepi / priegė žwákės arba žiburo / pátaliep*). Лексический состав адессивных форм сильно ограничен словами со значением лица (исключение составляют 3 случая). Ограниченность данного падежа также проявилась в том, что ни разу не зафиксирована форма адессива множественного числа.

Аллатив в данном тексте встречается более чем в 3 раза чаще адессива. Очевидно, автор происходит из того района Литвы, где этот падеж исчез позже. Конкуренции с предложными конструкциями практически не наблюдается.

Ieva Križevica (Latvijas Universitāte)

Raganu prāvas Latvijā (16.–18. gs.)

Vārds *ragana* etimoloģiski saistās ar vārdu *redzēt*. Tātad *ragana* sākotnēji ir ‘redzētāja’, ‘pareģe’.

Latviešu vēstītājfolklorā (pasakās un teikās), daļēji arī ticējumos, kur visplašāk runāts par to, kā kļūt par raganu, par raganām tiek uzskatītas ar pārdabiskām, neparastām spējām apveltītas sievietes, kuras prot pareģot un burt.

Pret raganām nodereja buramie vārdi, gan dažādi praktiski paņēmieni un līdzekļi, piem., asi priekšmeti: dadži tīruma galā, uz vārtu staba, ērkšķi, nātres, kaut kur iesprausta adata.

Teikās, pasakās *ragana* iztēlota par īstu neglīteni ar riebīgu izskatu. Dainu *ragana* nav skaista, nav neglīta, bet ir savādāka nekā pārējie cilvēki: rudiem vai sarkaniem matiem un spīdošām acīm.

Kristīgās ticības sludinātāji *raganu* identificēja ar ļauno garu, velna sabiedroto (vellatu), no kā *ragana* ieguvusi negatīvu nozīmi. „*Raganu*” galvenā apsūdzība bija ļaunumu nesošās burvestības, kur galvenokārt dominēja manipulācija ar laika apstākļiem. Viņām piedēvēja arī cilvēku un lopu neauglību vai slimības, pat impotenci vīriešiem.

Rietumeiropā *raganu*, burvju pastiprinātā vajāšana sākās 15. gs. Latvijā *raganu* procesi izplatījās 16. gadsimtā reizē ar reformāciju. Baznīcas valdošās amatpersonas atbalstīja *raganu* procesus.

Pirmās „raganas” Latvijā sodīja ar nāvi sadedzinot 1559. g. Grobiņā. Nedaudz vēlāk raganu sārta sāka liesmot arī Rīgā. Ar lielo upuru skaitu izcēlās lielā raganu prāva Rīgā. 17. gs. burvju, raganu vajāšana Latvijā pastiprinājās.

Raganu prāvās spīdzināšana kļuva par vainas pierādīšanas līdzekli: spīdzināšana ar ūdeni, pārbaude ar svēršanu, ar asarām, duršanu ar adatām.

Par burvestību sākotnēji notiesāja ne tikai sievietes, bet arī vīriešus, taču tas tā ilgi nebija. 85% no visiem upuriem bija sievietes. Īpaši bīstamā situācijā atradās vecmātes. Viņas esot spējīgas jaunpiedzimušo novēlēt sātānam, vecākiem par to nezinot. Viņas bija arī vainīgas, ja bērns piedzima kroplis vai pat miris. Par raganām uzskatīja vecenes, jaunas meitenes, svešas sievietes, slimās, neglītās vai pat visskaistākās. Dažās vietās sieviešu nepalika gandrīz nemaz, un tas noveda pie dzimstības samazināšanās.

Raganu prāvas kalpoja valstij, baznīcai kā disciplīnas līdzekļi. Tās bija arī finansiāli izdevīgas tiesnešiem, bendēm, tiesu priekšsēdētājiem, notāriem, spīdzinātājiem, muižniekiem, jo no apsūdzētā tika konfiscēta manta, lai varētu iepriekš minētajiem samaksāt par darbu.

Raganu eksistencei ticēja gan protestanti, gan katoļi. Raganu prāvas nav nodalāmas no agrīno jauno laiku valsts, baznīcas. Tās norisinājās laikmetā, kad progresēja un galīgi nostiprinājās absolūtisms. Eiropā 14.–17. gs. tika iznīcināti 100 000–500 000 cilvēku, kurus apsūdzēja buršanā.

Вячеслав Сергеевич Кулешов (СПбГУ)

К вопросу о нормах фонетической субституции ранних балтийских заимствований в финно-саамских языках

Ещё в XIX в. было установлено, что в прибалтийско-финских языках имеется много заимствований из балтийских языков. Все известные к концу XIX в. факты были обобщены в классической монографии В.Томсена [Thomsen, 1890], которая и положила начало изучению финно-угорских балтизмов. В дальнейшем к центральным вопросам этой проблематики, актуальным и по сей день, — нормам фонетической субституции, хронологии и географии заимствований — обращались Я.Калима, П.Аристе, Й.Койвулехто, Л.Ваба и другие финно-угроведы. Предлагаемое сообщение посвящено анализу норм фонетической субституции таких заимствований.

Реконструированные прабалтийская и раннеприбалтийско-финская системы консонантизма несильно отличаются друг от друга. ПБ подсистема шумных построена на двоичном противопоставлении звонких **b, *d, *ž, *g* и глухих **p, *t, *š, *k*, плюс сибилант **s*, а ПФ — на троичном противопоставлении сильных (глухих **p, *t, *s, *k*), сверхсильных (глухих геминат **pp, *tt, *ss, *kk*) и слабых (звонких фрикативных **β, *δ, *z, *γ*), плюс глухой сибилант **š*. Подсистемы сонорных идентичны: **m, *n, *r, *l, *v, *j*. Особенности саамского: **ć* на месте ПФ **s*, **ćć* на месте **ss*, **ž* на месте **z*, **s* на месте **š*, и сохраняются уральские носовые **ń* и **ŋ*.

Исходя из этого, а также из правил финно-саамской фонотактики, устанавливаются вполне тривиальные нормы субституции: в анлауте все ПБ консонантные кластеры упрощаются, шумные субституируются только соответствующими сильными (глухими), ибо только эти шумные допустимы в финно-саамском анлауте, в инлауте ПБ глухие субституируются сильными, а ПБ звонкие в начале закрытого слога —

слабыми. Ауслautный *s субституируется нулём, за исключением случаев, когда он закрывает слог, содержащий звонкий взрывной или *j*. Ограничений на субституцию сонорных нет — они везде сохраняются без изменений.

Что касается гласных, то, поскольку прабалтийский вокализм был в целом проще финно-саамского, в заимствованиях сохранены без изменений балтийские огласовки, за исключением прибалтийско-финских форм, в которых по закону сингармонизма ауслautный *a реализуется как *ā, а ПБ *i в первом слоге отражается как ПФ *e. Ауслautный саам. *ē соответствует ПФ *a.

ПФ *ankerjas ‘угорь (рыба)’. Пример интересен тем, что ни в одном из современных языков не сохранилось рефлекса типа лит. *ankerias, а только близкие формы типа др.-рус. *угърь*, лит. *unguryš* ‘угорь’.

ПФ *kirves ‘топор’ < ПБ *kirvis, лит. *kirvis*, лтш. *cirvis*. Любопытно, что слово созвучно ПФ *kirpe- ‘острый’.

ПФ *lejpā, саам. *lējpē ‘хлеб’ < ПБ *kleipas, ср. лит. *kliepas* ‘хлеб’, лтш. *klaips* ‘каравай’ (в случае заимствования ПБ *kleibas [Откупщиков, 2001: 181–183] ожидалось бы ПФ *leifās).

ПФ *lambas ‘овца’ < ПБ *lambas. Хотя в балтийских языках и не сохранилось никаких следов этого слова, оно по признакам субституции и по соображениям культурно-хронологического порядка является типичным балтизмом, а не германизмом (несмотря на англ. *lamb*).

ПФ *sēmen ‘семя’ < и.-е. *sē-men (к *sē- ‘сеять’). Вполне возможно, одно из древнейших балтийских (или «добалтийских») заимствований в ПФ языках. Современные формы словообразовательно отличаются: лит. *sė-kla*, лтш. *sė-kla*, и только слав. *sě-mę сохранило и.-е. словообразовательную модель.

ПФ *šaljas ‘зелёный’ < ПБ *žaljas, лит. *žalias*.

ПФ *šamβas ‘зуб’ < ПБ *žambas, лит. *žambas*, лтш. *zuobs*.

ПФ *šanše ‘гусь’ < ПБ *žansis, лит. *žąsis*, лтш. *zuoss*. Аномальное ПФ *š на месте ожидаемого *s объяснимо прогрессивной ассимиляцией.

ПФ *šeinā ‘сено’ < ПБ *šein-, лит. *šienas*, лтш. *siens*, прус. *seinan*; саам. *sūjnē ‘сено’. Пример интересен тем, что ПФ и саам. формы заимствованы из балтийских источников с разной огласовкой: ПФ форма имеет *e, а саам. *ū всегда восходит к *ā, отражающему балт. *a*, например, ПФ *salo ‘остров’, саам. *sūla ‘остров’, лит. *sala* ‘остров’. Это значит, что источником саам. формы послужила ПБ форма типа *sain-, как в слав. *sěno. Чередование *e ~ *a широко известно и в современных балтийских языках.

ПФ *šerne ‘горох’. Определённым образом соотносится с лит. *žirnis* ‘горох’, лтш. *zirnīs* ‘горошина’, но отражает не нулевую ступень аблаута, как лит. и лтш. формы, а нормальную (источник типа *žern-).

Саам. *sūlnē ‘иней’ < ПБ *šalna, лит. *šalna*, лтш. *salna* ‘заморозки’. Также ПФ *šalla ‘заморозки, мороз’.

Литература

Откупщиков, 2001 — Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб., 2001.

Thomsen 1890 — Thomsen V. Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog. København, 1890.

Pasaulio medžio sąsaja su Biblija

Medis — vienas iš tobuliausių pasaulio augalų, visais laikais žavėjęs žmones. Žmogus medyje visada juto didelę jėgą. Medis — tai augalas ir simbolis. Archainėse genčių kultūrose jis yra teofanijos objektas, įkūnijantis kosmoso dalies — kasmet mirstančios, o po to atgimstančios — paveikslą.

Žmonėms, gyvenantiems dykumoje, medis — tai gyvybė, o jo aplinka šventa vieta. Induizme kosmosas — tai didelis medis, kuris auga šaknimis į dangų, šakomis į žemę. Graikai, germanai, italai tikėjo, kad žmogus yra kilęs iš uosio. Žinoma ir apie žmogaus tapimą medžiu (Dafnės atvejis). Su krikščionybe atsiranda naujų prasmių — medis tampa Kristaus simboliu, gyvybės medžio simboliu. Šventajame Rašte vietų, kur minimas medis, yra daug. Medžio prasmės čia neretai būna simbolinės. Tai viena iš žmogaus alegorijų — jo silpnybių, vertės, likimo ir prisikėlimo iš mirusiųjų vilties simbolis. Nors kamienas supūva, iš šaknų išauga jaunos atžalos.

Yra daug interpretacijų, pagal kurias medis — tai kryžiaus ir altoriaus simbolis. Šv. Jonas Damaskietis manė, kad Marija — tai dirva, išauginusi Jėzų „gyvybės medį“. Pagal kitą versiją Marija simbolizuoja medį, o Jėzus — vaisių.

Tai labai svarbus elementas bažnytinėje dailėje. Nuo pat pradžių krikščioniškasis menas vaizdavo „dangiškąjį rojų“, naudodamasis medžio bei gėlės simboliais. Tokių vaizdinių galima pamatyti tiek katakombose, tiek šiuolaikinėse bažnyčiose. „Gyvybės medis“ turi įvairių augalų formų: Rytuose — palmės, Vakaruose — asiūklio arba kamieno, iš kurio išauga gėlės, lapai. Verta paminėti, kad genealoginis medis — tai dar vienas pavyzdys, rodantis žmogaus ryšį su medžiu.

Kristīne Levāne (Latvijas Universitāte)

Izskanų *-ība*, *-ums* produktivitāte un lietojums dažādu stilu leksikā

Latviešu valodniecībā izskaņas *-ība* un *-ums* tiek uzskatītas par vienām no visproduktīvākajām.

To izmantojamības biežums tiek pētīts dažādu stilu teksto latviešu valodas korpusa ietvaros, salīdzinot daiļliteratūras un publicistikas tekstu krājumus. Latviešu valodas korpusa ietvaros tika izveidotas divas tekstu izlases: daiļliteratūra un publicistika.

Daiļliteratūras izlase sastāv no 21 537 vārdlietojumiem, bet publicistikas izlase — 21 487 vārdlietojumiem.

Daiļliteratūras izlase tika veidota no latviešu literatūras klasikas autoru (Raiņa, Zeiboltu Jēkaba, Apsīšu Jēkaba, Brāļu Kaudzīšu, Māteru Jura) darbu fragmentiem, bet publicistikas teksti tika apkopoti no portāla «Delfi» tekstiem internetā.

Tika veikta abu tekstu izlašu datoranalīze.

Ar piedēkli *-um-* atvasina gan abstraktu jēdzienu nosaukumus, gan konkrētas nozīmes lietvārdus. Atvasinājumus ar *-um-* darina no darbības vārdiem, lietvārdiem, īpašības vārdiem un apstākļa vārdiem, un tie ir vīriešu dzimtas lietvārdi.

Ar piedēkli *-īb-* atvasina abstraktus jēdzienus. Atvasinājumus ar *-ība* darina no īpašības vārdiem, darbības vārdiem, divdabjiem, dažiem vietniekvārdiem un apstākļa vārdiem, un tie ir sieviešu dzimtas lietvārdi.

Izskaņas *-ība* lietojums analizētajos publicistiskos tekstos dažādos locījumos ir sastopams 152 reizes. Daiļliteratūras tekstos iepriekšminētā izskaņa nav lietota nevienu reizi.

Izskaņas *-ums* lietojums analizētajos publicistikas tekstos ir plašāks nekā izskaņas *-ība* lietojums. Gan publicistikas tekstos, gan daiļliteratūras izlasē dažādos locījumos tas tika lietots 250 reizi.

Izskaņas *-ums* lietojums daiļliteratūrā ir mazāks nekā publicistikā: attiecīgi 67 un 183 reizes.

Gunta Nešpore (Latvijas Universitāte)

Pazemināta stila leksikas lietojums publicistikā

Latviešu valodas leksika nav viendabīga, tajā sastopami vārdi, kas arī bez konteksta raksturo komunikācijas situāciju, norāda uz vārda piederību kādam valodas funkcionālajam stilam.

Pie pazemināta stila leksikas (attiecībā pret literāro normu) pieder sarunvalodas un vienkāršrunas vārdi.

Referāts balstās uz 190 vienībām, kas ekscerpētas mūsdienu publicistikā — dienas laikrakstā „Diena” (16.11.2000. un 25.11.2000.) un „Jaunā Avīze” 12.11.2000., 14.11.2000., 10.01.2001.).

Dažos gadījumos rodas grūtības izšķirt, pie kuras grupas vārds pieskaitāms. Nav universālas metodes, ar kuru droši nošķirt leksikas slāņus. Jebkurā interpretācijā nevar pilnībā izvairīties no subjektivitātes.

Sarunvalodas vārdi ir publicistikā visplašāk pārstāvētais stilistiski ekspresīvās leksikas slānis. Tie ir daudzveidīgi gan pēc formas, gan pēc funkcijas, kādā tie lietoti.

Publicistikā sastopami sarunvalodas īsinājumi: 1) īsināts vispārlietojams vārds (*teļļuks* ‘televizors’); 2) vārdu savienojuma vietā lietots īpašs vārds (*sociķi* ‘sociāldemokrātu partijas biedri’).

Sarunvalodas vārdi var tikt lietoti kā eifēmismi (*zālīte* ar nozīmi ‘marihuāna’).

Tā kā bieži lietotiem vārdiem ir tendence zaudēt ekspresivitāti, rodas arvien jaunas ekspresīvas leksēmas. Reizēm grūti noteikt, kad jaunais vārds ir uzskatāms par individuālu lietojumu un kad — par valodas vienību ar stabilu stilistisku ekspresiju.

Ja teikums ir stilistiski ekspresīvs, kaut arī atsevišķa vārda ekspresija bez konteksta ir apšaubāma, var runāt par kontekstuālo ekspresiju. Tā piemīt daļai okazonāli lietotu vārdu (*nemīlētāji, jauši* ‘tīšām’) un sarunvalodas metaforām (*kaste* ‘vārti hokeja spēlē’, *tornis* ‘gara auguma basketbolists’).

Laikrakstos tiek lietoti arī barbarismi: 1) attīstības barbarismi, kas pārsvarā nākuši no vācu valodas (*liste, deķis*); 2) pēdējos gados aizgūti vārdi, visbiežāk no angļu valodas (*tops, hīts*).

Vienkāršrunas vārdi publicistikā lietoti reti, starp tiem sastopami arī barbarismi (*nofenderēt* ‘nozagt’) un pat argotismi (*čungurs* ‘nauda’).

Parasti vienkāršrunas vārdi tiek lietoti to negatīvās emocionālās ekspresijas dēļ, lai padarītu izteiksmi iespējami spilgtāku, paustu savu attieksmi pret teksta saturu.

Lietuvių pravardės su priesaga *-ienė*

Lietuvių oficialiąją antroponimijos sistemą sudaro asmens vardas ir pavardė. Tačiau, norint kuo tiksliau individualizuoti žmogų, ypač skirti jį nuo bendravardžių ir bendrapavardžių, neoficialiai vartojamos ir pravardės (toliau — PRV).

A. Butkaus „Pravardžių žodyne“ [Butkus,1995:135–462] yra 135 PRV su priesaga *-ienė*. Šiame referate pagal pamatinį žodį jos skirstomos į 13 dalių. Asmenvardinės kilmės PRV dažnai — perdirbtos pavardės: *Grigienė* (: *Grigaraviėienė*). PRV — asmenų pavadinimai (toliau — pavad.) — rodo pravardžiuojamojo asmens (toliau — PA) veiklą, būdą, išvaizdą: *Kaīliuvienė* (: *kailius* ‘kailiadirbys’). Veiksmazodinės kilmės PRV apibūdina PA pagal veiklą, motoriką, kalbos turinį, kartais pagal tarties defektą, išvaizdą: *Pūškienė* (: *pūkšti*). Vietovardžiai, vietų pavadinimai rodo gyvenamąją ar veiklos vietą: *Guogienė* (: *Guogai* ‘toks kaimas’). Valgių ir rūkalų pavadinimai fiksuoja vienkartinius arba daugkartinius PA poelgius, nurodo mėgstamą patiekalą: *Kūgelienė* (: *kugelis*). Buities apyvokos daiktų pavadinimai — PA savo veikloje naudojosi pamatiniu žodžiu pasakytais daiktais, yra juos vogę: *Karōliuvienė* (: *karoliai*). Būdvardinės kilmės PRV rodo PA išvaizdą, charakterio ypatumus, turtinę padėtį ar gyvenamąją vietą: *Klišienė* (: *kliša* ‘kreivų kojų’). Desemantizuota leksika, pertarai — PRV apeliatyvo darybinė reikšmė — asmenys pagal kalbos turinį: *Mizarienė* (: *mizar* ‘toks pertaras’). PRV, kurių pamatinis žodis yra gyvūnų pavadinimai, davimo motyvai būna įsivaizduojamas PA išvaizdos, charakterio ar elgsenos panašumas į tuos gyvūnus: *Zuikienė* (: *zuikis*). 3 pavyzdžiai — *Pelėdienė*, *Pempienė*, *Žirafienė* — rodo, kad PRV yra antroponimizuojami net moteriškosios gimininės apeliatyvai. Iš kūno dalių pavadinimų kilusios PRV identifikuoja PA pagal neįprastą išvaizdos arba nepriimtą charakterio ypatybę: *Gūzuvienė* (: *guzas* ‘gumbas’). Kūno išskyrų pavadinimai neleidžia pamiršti tam tikrų nevalyviems žmonėms būdingų poelgių: *Bezdalienė* (: *bezdalas*). Iš augalų pavadinimų kilusios ir pagal matavimo vienetų pavadinimus sukurtos PRV identifikuoja PA pagal išsiskiriančią išvaizdą: *Palergōnienė* (: *palergonija* ‘tokia gėlė’); *Sprindienė* (: *sprindis*).

PRV su priesaga *-ienė* labiausiai paplitusios Vidurio Lietuvoje.

Šaltiniai ir literatūra

Butkus, 1995 — Butkus A., 1995. Lietuvių pravardės. Kaunas: Aesti. 464 p.

Надежда Анатольевна Рикконен (СПбГУ)

Деепричастные обороты в поэме К.Донелайтиса «Времена года»

Литовское деепричастие (*padalyvis*) — неличная форма глагола; она образуется от глагольных основ и обладает признаками глагола, а также наречия. Деепричастие обозначает второстепенное действие, производитель которого не совпадает с субъектом главного высказывания или совпадает лишь частично.

Поэма «Времена года» литовского поэта К.Донелайтиса (1714–1780) даёт богатый материал для изучения деепричастных конструкций [K.Donelaitis. Metai ir

pasakėčios. Vilnius, 2000]. В полученной сплошной выборке встретились только обороты с деепричастиями прошедшего однократного времени (в этом случае оборот обозначает второстепенное действие, предшествующее главному) и настоящего (одновременность второстепенного и главного действий). Деепричастий прошедшего многократного действия не обнаружено. Подавляющее большинство составляют деепричастия настоящего времени.

Деепричастные обороты можно разделить по значению на адвербиальные и изъяснительные.

Субъект второстепенного действия адвербиального деепричастного оборота часто выражен дательным падежом существительного или местоимения: *Taipgi bežiopsant man, arklys mano žvengti pradėjo* (значение времени, наиболее частое в деепричастной конструкции); *Tuos žodžius visiems gi begirdint ištarė Pričkus...* (значение условия).

Также многочисленны обороты с деепричастиями от безличных или безлично употребляемых глаголов: *Taip jis su velniais išauštant imasi darbų...* (значение времени). В этом примере обращает на себя внимание употребление безличного глагола *išaušti* 'рассвети' вместо *aušti* 'рассветать'. *Taip besipasakojant, štai špielmonai susibėgo...* (значение времени).

Изъяснительные деепричастия чаще всего встречаются в конструкциях с винительным падежом: *Ir visi drūti pargrižtant vasarą matom. Aš besigėdamas išvydau Krizą bekumpsant.*

Эти три типа значений деепричастного оборота наиболее распространены, но в поэме встречаем и более редкие случаи употребления деепричастных конструкций.

Литовские деепричастия произошли от дательного падежа действительных причастий (возможно, и из форм местного). По происхождению выделяют следующие типы деепричастий:

- восходящие к конструкции двойного винительного: *Vasarą su šiltomis dienelėmis jaučiame grižtant* (ср. *Князя своего живого вбдяче*) — изъяснительные конструкции;
- восходящие к абсолютному дательному обороту: *Taigi bežiūrint man jau dūšiai pikta pastojo* (ср. *Ему спящу, враги напали*) — конструкция с адвербиальным значением.

Полученные результаты показывают, что причастные обороты, обычные, например, в письменных памятниках второй половины XVI в. (в трудах Мажвидаса, Даукши), ко времени К.Донелайтиса уже перестали быть употребительными. Вместо них появляются деепричастные обороты, характерные и для современного литовского языка. Отсутствие оборотов с деепричастиями прошедшего многократного и будущего времён, возможно, позволяет предположить, что формирование системы деепричастных оборотов ещё не было к этому времени завершено.

Sandra Sirvidienė (Klaipėdos universitetas)

Senosios kuršių kalbos reliktai vakarų latvių tarmėse

Tyrinėjant kuršininkų ir pietvakarinių latvių tarmių (Nycos, Gramzdos, Rucavos) kuronizmus, galima papildyti senosios kuršių kalbos medžiagą.

Minėtų tarmių kuronizmai rinkti iš B. Bušmanes knygos „Nīcas izloksne“ [NI]; [FBR VIII, IX]; Kuršių nerijos latvių tarmių tekstų ir papildyti medžiaga iš K. Miulenchacho žodyno [ME]. Identifikuojami pagal fonetiką ir kirčiavimą, etimologiją, tos pačios šaknies žodžių išplitimą, bendras darybos ypatybes ir panašią semantiką vakarų lietuvių ir latvių tarmėse.

Vienas iš kuronizmų identifikavimo kriterijų yra konsonantizmas. Ypač atkreiptinas dėmesys į *k* ir *g* prieš priešakinės ar užpakalinės eilės balsius.

Pranešimui pasirinktos veiksmažodinės šaknys su *k*, *g* iš kuršininkų ir pietvakarinių latvių tarmių (Gramzdos, Rucavos, Nycos).

Pagal anksčiau minėtuosius kriterijus atrinkus medžiagą iš vakarinių lietuvių ir latvių tarmių, pastebėta, kad *k* ir *g* latvių kalbos kuronizmuose gali būti keleriopos kilmės.

1. *k* ir *g* < **tj*, **dj* ar **t'*, **d'* šaknies pradžioje, gale ar priesagoje. Apie šios kilmės kuronizmus yra rašyta kalbininkų darbuose. Kuršininkų ir pietvakarinių latvių tarmių medžiagoje rasti keturių veiksmažodinių šaknų kuršiški veiksmažodžiai ar jų vediniai su tos kilmės priebalsiais, pvz., *makškerēt* ‘žvejoti’ [NI: 41]; *skauģis* ‘pavyduolis’ [NI: 295, 306; Pl: 80] ir kt.
2. *k* ir *g* garsažodinės kilmės žodžiuose. Kuršininkų ir pietvakarinių latvių tarmių medžiagoje rasta vienos veiksmažodinės šaknies kuronizmų, pvz., veiksmažodis *kērktē* ‘kudakinti, gagenti’ [PW: 131] ir jo vediniai.
3. *k* ir *g* < **k*, *g* prieš priešakinės eilės balsius šaknyse, kurios gali būti į latvių tarmes atėjusios arba tiesiai iš kuršių, arba iš kuršių per lietuvių kalbą. Rasta vienos veiksmažodinės šaknies veiksmažodžių ar jų vedinių, atėjusių į minėtas tarmes iš kuršių kalbos per lietuvių kalbą: **bengt-* : *pabeņgti*, *-ģu*, *-ģu* ‘pabaigti’ ir kt. [Pl: 70]. Be šios, dar dviejų šaknų žodžiai, atėję tiesiai iš kuršių kalbos: *paķingenatē* ‘patenkinti, numaldyti’ [PW: 62]; *ķenksile* ‘arklio pančiai’ [PW: 232].
4. Įvairaus senumo veiksmažodiniuose vediniuose, kur po *k* ir *g* susidaro pozicijaprieš priešakinės eilės balsį. Kuronizmų su tokios kilmės priebalsiais turi penkios kuršininkų ir pietvakarinių latvių tarmių veiksmažodinės šaknys: **plak-*, **slink-/slank-*, **ving-*, **lank-/lenk-*, **spang-/speng-* (pvz., *sliņķis* ‘tinginys’ [Pl: 80]; *lenķe* ‘lanka’ [PW: 258]; ‘žemuma’ [Pl: 65]; *plāķis* ‘aikštė’ [Pl: 74] ir kt.).

Kuršininkų ir pietvakarinių latvių tarmių medžiagoje rasta 26 % kuronizmų, turinčių įvairios kilmės priebalsius *k* ir *g*. Iš jų daugiausia — leksemų, kuriose *k* ir *g* prieš priešakinės eilės balsius išlieka ne visai palatalizuoti dėl darybos (16). Iš jų 12 galūninės darybos ir 4 priesaginės darybos.

Sunkiausiai etimologizuojami garsažodinės kilmės žodžiai ir kuronizmai, turintys *k* ir *g* < **k*, *g* prieš priešakinės eilės balsius šaknies pradžioje, kurie į latvių kalbą galbūt atėjo tiesiai iš kuršių kalbos.

Literatūra

FBR VIII — Rucavas izloksne // Filologu biedribas raksti VIII. Rīga, 1928, p. 135

FBR IX — Gramzdas draudzes izloksnes // Filologu biedribas raksti IX. Rīga, 1929, p. 90

ME — K. Mülenbachs. Latviešu valodas vārdnīca. / Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns, sēj. I–IV, Rīga, 1923–32.

NI — Bušmane B. Nīcas izloksne. Rīga, 1989

Pl — Plāķis J. Kursenieku valoda. Rīgā, 1927

PW — Reimann E. (hrģ.). Preussisches Wörterbuch. Neumünster, 1974–

Dvigarsių *-il-*, *-ul-* vartojimo tendencijos lietuvių kalboje

1. Darbo objektas — „Dabartinės lietuvių kalbos žodyno“ [DLKŽ 2000] žodžiai su dvigarsiais *-il-*, *-ul-*. Darbo metodas — morfonologinė analizė.

2. Nustatyta, kad DLKŽ dvigarsis *-il-* (62,5%) yra dažniau vartojamas nei dvigarsis *-ul-* (37,5%).

3. Dvigarsiai *-il-*, *-ul-* vartojami tiek kirčiuotoje, tiek nekirčiuotoje veiksmažodžių, daiktavardžių, būdvardžių,rieveiksmių, dalyvių, išiktukų, dalelyčių ir jungtukų šaknų pozicijoje. Išimtį sudaro 3 atvejai, kai nekirčiuotą dvigarsį *-ul-* turi priešdėlis (*ultragaršas*, *ultragarsinis* ir *ultramarinas*).

4. Dvigarsiai *-il-*, *-ul-* dažniau yra nekirčiuotoje šaknų pozicijoje, o tvirtapradė priegaidė dažnesnė negu tvirtagalė. Gausiausios yra veiksmažodžių, daiktavardžių ir būdvardžių klasės, turinčios kirčiuotą ar nekirčiuotą dvigarsį *-il-*, *-ul-* šaknyje.

5. Įdomiausi atvejai, kai minėti dvigarsiai sudaro opoziciją: žodžio forma ta pati, skiriasi tik priegaidės vieta dvigarsyje ir žodžio reikšmė (*pīlkis* ‘pilkumas’ ir *pīlkis* ‘pilkas gyvulys, paukštis’; *dūlkti* ‘smulkiai lyti’ ir *dūlkti* ‘dulkėti’). Tačiau ši opozicija nėra paplitęs reiškinys.

6. Dažniau pasitaiko atveju, kai žodžiai identiškai sutampa — tai homonimai: *prailgti* ‘pasirodyti per ilgam’ ir *prailgti* ‘pasidaryti nuobodu, nusibosti’, *tegūl* (dalelytė) ir *tegūl* (jungtukas). Kartais žodžių forma ta pati, skiriasi priegaidės vieta morfemose ir žodžio reikšmė (*viltis* ‘turėti vilties, tikėtis’ ir *viltis* ‘vylimasis, tikėjimas’). Kadangi dvigarsis *-il-* dažniau vartojamas negu *-ul-*, pirmasis turi daugiau opozicijos ir homonimijos atveju.

7. Dvigarsiai *-il-*, *-ul-* nėra būdingi tik baltų kilmės žodžiams. Tai įrodo tarptautinių žodžių gausa ir DLKŽ (*okultizmas*, *pulverizuoti*, *infiltracija*, *filmas*).

8. Lietuvių kalboje morfonologinė analizė nėra tradicinis tyrinėjimo metodas, tačiau jis atskleidžia fonologijos ir morfologijos sąveiką, rodo priegaidės reikšmę morfemai, žodžio reikšmei. Tokiu būdu morfonologija pildo duomenis apie kalbą, kurie yra svarbūs tolimesniems diachroniniams tyrinėjimams.

Сергей Фёдорович Терешенков

(Университет Людвига-Максимилиана, Мюнхен)

Обмен лексикой между балтийскими языками и балтийским вариантом немецкого языка

Началом обмена лексикой между балтийскими языками (равно как и иными языками Прибалтики) и балтийским вариантом немецкого языка принято считать основание двух важнейших городов в регионе — Риги (1201) и Таллинна (Revel, Reval; 1219). Именно тогда влияние немецкой культуры и языка в Прибалтике стало ощущаться в полной мере и, в частности, в балтийских языках постоянно появлялись заимствованные лексемы из немецкого, воспринятые балтами от переселявшихся на их территорию немцев. Одновременно, хотя и с меньшей интенсивностью, происходил обратный процесс.

Здесь следует провести чёткую границу между тремя вариантами немецкого языка, распространёнными тогда в Прибалтике. В данном сообщении речь идёт

исключительно о так называемом «балтийском немецком» (Baltendeutsch), языке наиболее образованных слоёв немецкого общества на берегах Балтики. Кроме того, существовали ещё «малый немецкий» (Kleindeutsch), на котором говорили низшие слоёв немецкого населения, и «полунемецкий» (Halbdeutsch), немецкий коренных народов региона, на что указывает, например, В. Митцка (W. Mitzka).

Безусловно, своего апогея упомянутый процесс достиг в XIV–XV вв., когда Ганзейский союз немецких городов (Hansa) переживал наибольший расцвет и подъём. Львиная доля немецких заимствований в балтийских языках приходится как раз на это время. Из современных балтийских языков речь идёт прежде всего о латышском, который испытал значительное влияние немецкого языка на свою лексику. Литовский язык в силу исторически более тесных контактов со славянскими языками, в первую очередь русским и, конечно, польским, содержит в своем лексическом составе сравнительно малое число германизмов. Правда, о немецком влиянии на территории литовцев позволяют судить примеры восточнопрусского варианта литовского языка периода средневековья. Древнепрусский язык также показывает такие следы.

В докладе упомянуты и слова предположительно немецкого происхождения в эстонском и исчезающем ливском языке. Примечательны с этой точки зрения примеры ливского языка, в который немецкие лексемы нередко попадали через посредство латышского.

Екатерина Юрьевна Федорина (СПбГУ)

История публикации «Записок о литовском языке и словаре» А.Баранаускаса (А.Барановского)

А.Баранаускас (1835–1902) — классик литовской литературы и, кроме того, крупный лингвист, внёсший особенно большой вклад в литовскую диалектологию. З.Зинкявичюс считает принцип, выбранный А.Баранаускасом для классификации говоров литовского языка, очень удачным. А.Баранаускас поддерживал тесные связи с Петербургом: здесь он окончил Петербургскую духовную академию, познакомился с кругом петербургских лингвистов и впоследствии сотрудничал с И.И.Срезневским, Я.К.Гротом, И.А.Бодуэном де Куртенэ.

Цель доклада — проследить историю публикации одной статьи — «Записок о литовском языке и словаре», которая длилась 20 лет (причиной чего послужило запрещение в 1864 г. печатания литовских текстов латиницей).

История публикации «Записок о литовском языке и словаре» А.Баранаускаса восстанавливается по данным из СПб. Филиала Архива РАН: Ф. 137, Оп. 3, № 46; Ф. 764, Оп. 2, № 42; Ф. 9, Оп. 1, № 517; Ф. 9, Оп. 1, № 684 (переписка А.Баранаускаса с председательствующим Отделением русского языка и словесности Императорской Академии наук А.Ф.Бычковым, письма Э.А.Вольтера в Отделение русского языка и словесности, письма А.Баранаускаса Я.К.Гроту).

В 1878 г. по заказу Императорской Академии наук А.Баранаускас написал статью «О литовском словаре и правописании» как отзыв на вышедший литовско-русский словарь Е.И.Гилюса. Рукопись статьи в настоящее время хранится в СПб. Филиале Архива РАН. Статью А.Баранаускаса предполагалось опубликовать, она прошла редактуру академика Я.К.Грота, но подготовка к изданию была приостановлена.

Наконец, разрешение на печатание рукописи А.Баранаускаса было получено 22 апреля 1880 г. у государя императора (sic!) по ходатайству действительного тайного советника графа Д.Толстого.

В 1895 г. рукописью А.Баранаускаса заинтересовался Э.А.Вольтер. Получив в распоряжение рукопись, он счёл исключительно полезным возобновить её подготовку к изданию.

В апреле 1896 г. Императорская Академия наук попросила автора статьи внести в рукопись 1878 года необходимые дополнения и изменения. В январе 1897 г. он вернул в Академию наук исправленный вариант статьи «О литовском словаре и правописании» (160 страниц в лист писчей бумаги) вместе с особой рукописью под заглавием «Записки о литовском языке и словаре» (107 страниц в лист писчей бумаги), в которой его прежняя работа, «составленная по поручению того же Отделения, пополнена анализом литовского акцента, изложением ритмического и фонетического строя слов, а также главных различий между наречиями и говорами литовского языка в пределах Ковенской губернии».

В течение 1897 г. типография несколько раз отсылала А.Баранаускасу набранный текст для выправления опечаток. В 1898 г. рукопись была опубликована в Сборнике Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук в томе LXV (СПб., 1898) и отдельным оттиском по заказу автора. Эти оттиски имеют свою историю. А.Баранаускас попросил 1000 экземпляров «на свой счёт для раздачи ученикам, друзьям и филологам». Кроме того, А.Ф.Бычков добился издания за счёт Отделения русского языка и словесности ещё 300 оттисков.

На наш взгляд, история печатания этой статьи показательна: она демонстрирует как экстралингвистические трудности, которые приходилось преодолевать лингвистам-литуанистам, так и удивительное единение и помощь коллег ради «процветания литовских занятий в русской лингвистической науке».

Kristina Šimkutė (Klaipėdos universitetas)

Senosios kuršių kalbos reliktai vakarinėse latvių ir lietuvių tarmėse

Kuršininkų tarmės lietuvių ir latvių teritorijose yra įdomios moksliniu požiūriu dėl kuršių kalbos relikto. Vienas iš kuršių kalbos bruožų — sveikų mišriųjų dvigarsių *an*, *en*, *in*, *un* išsaugojimas latvių tarmėse ir tų pačių ar giminiškų leksemų paplitimas vakarų Lietuvos regione. Pranešime nagrinėjami kuronizmai, surinkti iš Nycos, Gramzdos, Rucavos ir Kuršių nerijos apylinkių latvių tarmių. Apsiribojama vardažodinėmis šaknimis.

Mišrieji dvibalsiai šaknyse

Gausiausią dalį sudaro **vardažodžiai su išlaikytu mišriuotu dvibalsiu *an***.

1. Kuronizmai, kurie latvių kalboje nebuvo fonetiškai adaptuoti. Rastos 7 bendrabaltiškos leksemos. Beveik visas leksemas etimologiškai galima kildinti iš indoeuropiečių prokalbės. Kiek problemiškesnė kuršin. *gañdrs* ‘gandras’ [DKW]: la. *gañdrs* ‘gandras’ [ME]: lie. *gañdras* [LKŽ] kilmė, kuri išlieka be tvirtos etimologijos. Visi žodžiai, išlaikę šaknyje mišrųjį dvibalsį *an*, latvių kalboje laikomi paveldėtais iš kuršių arba pasiskolintais iš lietuvių kalbos.

2. Latvių kalboje *an* // *en*. Rastos 3 bendrabaltiškos leksemos, turinčios tokį fonetinį variantą, plg.: kuršin. *brañgs* ‘brangus’ [DKW]: la. *brangus* ‘puikus, šaunus’ / *bręñgs* (*ęn*²) ‘labai geras’ [EH]: lie. *brangùs* ‘vertingas’ [LKŽ].

3. Latvių tarmėse *an* // *un* // latvių bendrinėje kalboje *uo*: plg. kuršin. *mandirs* ‘niekingas’ [DKW] / *muñdirs* ‘puošnus’ [NI]: la. *muñdrs* ‘guvus, žvalus’ [ME]: lie. *mañdras*, *-ùs* ‘gyvybingas, žvalus’ [LEW; LKŽ]. Nors greta *an* vartojamas vardažodis su *uo*, plg. la. *muòdrs* ‘guvus, žvalus’ [LEW].

Rastos 2 leksemas **su mišriuoju dvibalsiu in** šaknyje:

1. Latvių kalboje in: kuršin. *liņgis* ‘vanagas’ [Pl.] : la. *linga* ‘suopis’ [LEV] : lie. *liņgē* ‘peslys’ [LKŽ].
2. Latvių kalboje in // ī: kuršin. *dziņtārs* ‘gintaras’ [NI] : la. *dziņtars* [EH] / *dzītars* ‘gintaras’ [Endzelīns].

Rastos 8 leksemas **su išlaikytu mišriuoju dvibalsiu un:**

1. Latvių kalboje un: kuršin. *duņduri* ‘gylys, sparva’ [NI] : la. *duņdurs* ‘kamanė’ [EH] : lie. *dūnduris* ‘tuščiakalbis, perkūnas’ [LKŽ].
2. Latvių kalboje um // am, em: kuršin. *°pumpa* ‘saga’ : la. *pampa* ‘sutinimas’ [ME] / *°pempe* ‘kuokštas; kiaulės uodega’ [ME].
3. Latvių kalboje un // ū: kuršin. *duņcis* ‘peilis kiaulėms skersti’ [FBR] : la. *duņcis* ‘durklas; mažas kirvis kiaulėms pjauti’ [Bg; EH] / la. *dūcis* ‘t.p.’ [EH].

Tyrinėjamoje medžiagoje **mišrujų dvibalsį en šaknyje** yra išlaikę 5 vardažodžiai:

1. Latvių kalboje en: kuršin. *°ģenšs* ‘giminaitis’ [KwP.] : la. *°gente* [ME] : lie. *gentis* ‘giminės’ [LKŽ].
2. Latvių kalboje en // ie: kuršin. *mēnturis* ‘medinis įrankis’ [NI], la. *meņturis* ‘medinis, įrankis, šaukštas’ [ME] / *mieturis* ‘t.p.’ [ME].

Mišrieji dvibalsiai priesagose

Rasta 1 leksema **su išlaikytu mišriuoju dvibalsiu an:**

1. Latvių kalboje an: kuršin. *balaņda* ‘piktžolė’ [NI] : la. *balaņda* ‘piktžolė’ [EH].
2. Latvių kalboje an // un // ū // uo: la. *balaņda* ‘piktžolė’ [EH] / *balūnde* ‘t.p.’ [EH] / *balūdne* ‘balanda’ [EH] / *baluōda* ‘balanda’ [EH].

Fonetinių pakitimų rasta dviejuose vardažodžiuose **su išlaikytu in** priesagoje:

1. Latvių kalboje in: kuršin. *°blezdeliņga* ‘kregždė’ [FBR] / *blezdelīga* ‘kregždė’ [Pl] : la. *blezdiņga* ‘kregždė’ [EH; Endzelīns] : lie. *blezdinga*, *blezdinga* ‘kregždė; našlaitė (bot.), žaidimas; šokis; apsiausto užpakalyje siūlė užbaigianti trikampė figūra’ [LKŽ].
2. Latvių kalboje in // î: la. *blezdiņga* ‘kregždė’ [EH; Endzelīns] / *bezdelīga* ‘kregždė’ [LEW].

Patyrinėjus vakarinėse lietuvių ir latvių tarmėse rastus vardažodžius, galima daryti išvadą, kad didžiausią grupę sudaro kuronizmai latvių kalboje. Į latvių kalbą kuronizmai pateko dvejopai, buvo perimti tiesiogiai iš kuršių arba gauti iš lietuvių vakarinių tarmių.

Literatūra

Bg — Būga K. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1961.

DKW — Pietsch R. Deutsch-kurisches Wörterbuch. Lüneburg, 1991.

EH — Endzelīns J. un Hauzenberga E. Papildinājumi un labojumi K.Mūlenbacha latviešu valodas vārdnīcai. T. 1–2. Rīgā, 1934–1946

Endzelīns — Endzelīns J. Über die Nationalität und Sprache der Kuren. // Endzelīns J. Darbu izlase. II Sēj. Rīgā, 1974 — 440.–453. lpp.; Endzelīns J. Zu den kurischen Bestandteilen des Lettischen. // Endzelīns J. Darbu izlase. II Sēj. Rīgā, 1974 — 504.–511. lpp.

FBR — Filologu biedrības raksti. I–XX. Rīga, 1921–1940: Kuršu pēdas rietumu Vidzemē // FBR III: 5–7; Par Rietumkurzemes izloksnēm // FBR V: 5 skk.; Par Rucavas izloksni // FBR VII: 7 skk.; Rucavas izloksne // FBR VIII: 135 skk.; Gramzdas draudzes izloksnes // FBR IX: 90 skk.

KwP — Kwauka P., Pietsch R. Kurisches Wörterbuch. Berlin, 1977.

LEV — Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. I–II Sēj. Rīga, 1992.

LEW — Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg, 1962–1965

LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1941–1999, t. 1–19.

ME — K. Mūlenbachs. Latviešu valodas vārdnīca. / Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns, sēj. I–IV, Rīga, 1923–32.

NI — Bušmane B. Nīcas izloksne. Rīga, 1989

Pl — Plāķis J. Kursenieku valoda. Rīga, 1927

V межвузовская научная конференция студентов-филологов
ТЕЗИСЫ

*8–12 апреля 2002 г.
Санкт-Петербург*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99.

Авт. л. 12,04. Печ. л. 10,38. Тираж 200 экз. Заказ №

Филологический факультет СПбГУ.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.

ОНУТ филологического факультета СПбГУ.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.